

Цѣна 15 коп.

ОБЩІЙ

1906

ОРГАНЪ САТИРИЧЕСКАГО РАЗДУМЬЯ.

№ 2

И. И. Бродскій.

Гинутся по небу
Гули тяжелыя...

П. Добрынин.

Ну вот!.. И Ветте ибть, и Дурново ибть, и Дума собирается...

Я чуть не ухватился, чуть не дворялся по всю свою длинною глотку: «весна!».. Да, вѣдь, и зѣрѣя зѣть—мѣть кто съобѣтъ съ толку.— Жара. Лагушка давно отпала и кивають широпаладу, ковары рѣтъ... На радостях я чуть не забылъ, какъ съезъ «весну» недавно высѣивалъ. Разинулъ уже ротъ... Обдумали меня «быльствен»... Появился одинокъ на слѣдъ: уксъ не знаю, кто его въ лѣсу обрѣнулъ и по какой причинѣ... Прочтала, Обомѣлъ. Весна... зѣрѣтъ съ зѣт!»..

До чего ухватился зѣть г-нъ Милославъ!.. Политической мудрости и такта въ немъ — бр...р...р... дубъ на дубъ не поведется!..

Покарь зѣвать мокеть.—Веленую зѣвать. Не увѣтъ,—воре холодной воды!

И блекнетъ и съжжѣвается, водъ струей зѣтой политической мудрости, водъ весенней дѣлѣтъ. И сразу, къ одинокъ мѣтъ—

Весна, весна! гдѣ твои сладости?
Гдѣ вѣтъкъ изъ ней рѣкъ сладости?

Сразу—осень. Сѣрая, сырая, туманная, равно делѣтъ отъ лѣтъ и зѣтъ, отъ жизни и смерти. Бр...р...р...

И до чего неострадалъ! Вѣсь несогласны. Вѣсь лѣтъ. Вѣсь «умирать» собрались за «народную свободу». (Это я изъ «быльствен»).

Но оиъ сказать два слова—и «революция» готова: «Борьба за свободу—это едина безъ конфликтовъ». Вотъ что значить борьба за свободу...

Варочень, и, можетъ быть, тутъ чего-нибудь не поначина етъ...

Г-нъ Деробертъ... толку кивають высказывать:
«Въ провинция дѣны нѣмцы депутатамъ—умереть. Это ипозвоинать по своей жестокости среднѣ вѣтъ. Вѣтъ двадцатого вѣтъ не могутъ такъ чувствовать, но

должны сказать депутатамъ: Вѣтъда я вѣтъ, но вѣтъль обстоятелствамъ, дѣйствиете такъ, чтобы народу, дѣщѣющему насъ, было изъ-за чего умереть».

Ну, вотъ-видѣтъ! Вотъ что такое «народная свобода»... Закончѣтъ нѣтъ... Но кто же мѣтъ бы сразу кончить?..

Понадутъ изъ Таврической дворѣтъ и другѣ людѣ,— съ «весной» изъ дѣтъ...

Одѣтъ такой несладко забрѣтъ къ мѣтъ изъ лѣтъ.

— Дума, говоритъ, это генеральные штаты... А мы ихъ въ национальное собраніе превратимъ.

А я ему:

— Этъ, затѣтъ! Вѣтъ, на лучшей комедѣ, едина г. Горенкавѣтъ раздрѣнитъ, не генеральные, а кадетскѣ выйдутъ штаты...

Осирѣтъ.

— И острога, говоритъ, пловад, и не до острога теперь...

Строгѣ.

Этъ! кабы эти строгѣ на мудрость г-на Милославка излѣкавъ... Кабы такъ!..

Но вотъ блѣтъ:
Нѣтъ зѣлѣтъкъ вѣтъкъ вѣтъ!
А къ тѣтъкъ рѣкъ, гѣтъкъ,
Вѣтъ отъ зѣтъ
Дѣтъ нѣтъ нѣтъ,
Но етъкъ не жѣтъ тѣтъ,
Какъ жѣтъкъ Свѣтъкъ...

До свидѣтъ, читатѣлъ! Не обѣдѣтъ, мѣтъ старина, да единарѣтъ стихи...

Это и съ горѣ... Вѣтъ намъ пока горѣ мѣтъкъ придется...

Ибтъ весна! Ибтъ и вѣтъ! И не сейчасъ она будетъ... «Бѣтъ» весны не бѣтъ... Не изъ Таврической дворѣтъ она дѣлѣтъ... Немного подождать придется... А пѣтъкъ!..

Лыды.

В Р А Г И.

(ОТЪ РАССКАЗОВЪ И ПОИСКЪ).

— Стрѣлковій рядовъ эфрейторъ. Мухомъ вѣрствѣлся людскою къ брустверу, ногою грудью скользящу по краю земляной стѣны и грудью ухватъ на дно окопа саблѡю за шивъ, замысла, поволоды винтовка. Штыбъ-каптанга. Березинковъ подымать винтовку и, прижавъ къ брустверу, сталъ стрѣлать въцѣль съ ротою.

Далеко впередъ, отъ водонныя сонка, медленно и грохно кзыкала на гору широка, трехшашная выстрѣлка волна; безъ числа подолы и перебѣгали маленькя, муравьиныя фигурки, вѣдь ниже кзыкавала больше дымки прашней. Березинковъ стрѣлалъ. Въ голубъ шумѣла отъ конюкъ, отъ безосновной ночи, отъ равнавшихся круготъ спураловъ; онъ стрѣлкакъ—и вдругъ увидѣлъ; далеко опереди дѣшею, уже на пологашъ горы, прямо на нувъ окопъ бѣжало янонецъ. Съ винтовкою въ руки, потнувшись и вытнувъ впередъ свободную руку, онъ бѣжало, странно пошоманна курортату,—и былъ одинъ.

— Вотъ какъ-вакъ! — удумился Березинковъ. Онъ быстро подбѣжалъ прицѣль, выстрѣлкакъ — и промакнулъ. Отвернукъ дитворъ, выстрѣлкакъ второй разъ — и опять промакнулся.

Янонецъ продолжалъ бѣжать удверено и сѣбью, какъ-будто его окружала толпа непонимающихъ товарищей.

— Ну-ка, Сиважаръ!.. Видишь? Кунжарани-ка отъ! Сиважаръ, лучшей стрѣлокъ роты, приложился и выстрѣлкакъ,—жамосъ за нивъ, составуясь, выстрѣлкакъ еще трое,—нико. А янонецъ все продолжалъ бѣжать.

Скрыва въдугъ охватившея его волнение, Березинковъ грохно и проталко скончалсякъ:

— Слума-ой!.. Постопаый — но человекъ — далеко... Навъ!!

Грннуть дальт, вокругъ ногою янонца дѣбали струйкаи пиды, а онъ пригнулся ниже и побѣжало еще быстрее.

Что-то непонятно-волнующее пронеслось по окопу.

Въ воздухѣ донахель прашней, шивомы рвали скалы, трехшашная выстрѣлка волна кзыкала сидуку все выше, но никто ничего не дѣлалъ; всѣ безпорочно стрѣлкакъ по этому одному человеку, который все продолжалъ бѣжать на нувъ. Было жутко и странно,—что же онъ можетъ сдѣлать одинъ, и дѣлать онъ бѣжало?

И вдругъ всѣ перестали стрѣлать.

Тогда случилась самое странное. Янонецъ былъ уже нахаль въ тридцать отъ окопа. Онъ замедлять шагъ и неожиданно съѣлъ на-земь, раскинувъ ноги. И онъ сѣлкакъ такъ, опираясь сидуку на руки, неподвижно сморѣлъ на солдаты, и вся его фигура вырисовывалась на снѣжкѣ осеннея вѣбъ. Видно, онъ не былъ раненъ. И тѣмъ удивительнѣе было, что онъ сѣлкакъ такъ спокойно, всего грудью противъ направленныхъ

на него дулъ, и какъ-будто широко, но весь ротъ, улыбається.

Березинковъ выскочилъ изъ окопа и, выхватывая на бѣгу шашку, побѣжало къ яноцу. Какъ, для чего онъ это дѣлалъ, Березинковъ не замѣлкакъ голубъ шумѣла, изъ левъ какъ-будто пронала дѣра, что и теперь можно дѣлать яноца.

Янонецъ все сѣлкакъ, раскинувъ ноги и опираясь сидуку на руки,—сѣлкакъ и не дѣлкаса, и широко открытыми глазами сморѣлъ на побѣжалога эфрейтора. «Что онъ сморѣть? Что не дѣлкаса?» — смутно думалъ Березинковъ. Подъ жолтыжъ околмѣнеть съ дѣлкачкой, на побѣжалога, корачивать дѣбъ онъ видѣлъ устремленные на него мутные глаза. Янонецъ былъ въ прашней той острой, смертной усталости, которая не рѣкъ въ эту войну побѣжалога при бѣлостромѣ побѣжалога на высокихъ горы. Онъ широко открывалъ ротъ, какъ выброшенная на берегъ рыба, медленно дышало и сморѣлъ непонимающима, заморнутыми дѣбью глазами. Сидика и неподвижна, Березинковъ побѣжалога и тѣ-желю шашкою съ размаху ударилъ яноца по голобѣ.

Толона суды хрустнула, янонецъ быстро широкнулся жакенякъ, — странно-быстро, безъ крика, безъ судорожъ, какъ-будто онъ и раньше былъ мертвъ и только притворился живымъ. И сейчасъ же изъ окопа поднялась стрѣлкакъ печалки по карабкавшимся на сонку дѣбьюмъ.

Березинковъ пошлое издалъ. Онъ было пошлое-индася, чтобы обѣтереть о траву окрапаненную шашку,—и не обѣтеръ; къ смутному тумашъ, наподаншею голоно, арно челкакно лицо Яночки къ шашонскому платицѣ, какъ она болланима, лобомытыми глазами будеть рассморѣть отгосскую шашку съ лѣ-накинешъ яноцскою кровню. Вдугъ что-то остроо болью принакло ему правую сторону груди, странно-перекосившея дѣбю наступившихъ побѣжалога въ небо, сѣбѣния сонка опрокинулася на-бокъ, и все исчезло.

И. Ф.

Н. И. Фешино.

Передъ господиномъ стражникомъ.

А. М. Любимовъ.

„Народная Свобода“ въ затрудненіи.

Березинков ощущал. Быть червь и было тихо. Где-то далеко бухали пушки, сюда несся полк, протяжные стоны. Онь пошевелился, — острая боль схватила бока; и из левой ноги было больно. Хотелось пить, ужасно хотелось пить, и хотѣлось, чтобы стоибуль ибнкой наклонился надь оньм, подождал руку на простреленую грудь, и ему чтобы лежать и не шевелиться.

Морщась оть боли, Березинков медленно проползая на руках, слать и оглаблѣл. Крутомъ изь перемещку вывалил русские и японские трупы, была, должно быть, жестокая рукопашная схватка. Въ воздухъ летѣла, летѣла винтовка Синашаръ съ огречной штыковой раной изь груди и то раскрывалъ, то закрывалъ тускнѣющие глаза. Виду, по широкой равнинѣ, сталося блуждаый туманъ; осколки снара, громадина, черная и твердая, тяжело стояла на этомъ колебавшемся морѣ тумана; валь длинными рядами уходила дуга снара, — тухла, немая подь свѣтлою зарю.

Вкругъ Березинковъ почувствовать, что сбоку кто-то смотритъ. Онь быстро повернулъ голову. Шагомъ за десять оть него, надь трупима тенѣло далтое кровно лицо, и съ этого лица смотрѣли два чернѣюща глаза, — смотрѣли престоально, какъ будто дѣлалъсь въ Березинкова. Красной воротникъ, чудный покроя мундиръ... Березинковъ торопливо схватился за револьверъ.

Инопещъ, съ ружьемъ на руку, продолжалъ смотреть на него пристальными, дѣлающиса глазами. Съ мимуту она выказываще глядѣла другъ на друга, — молча, склмая изь рукъ оружье. Вкругъ инопещъ заманду рукою къ стороню, воросительно издвинул на Березинкова и отложилъ винтовку. Березинковъ прѣшительно опустил револьверъ.

Инопещъ улыбулся, издвинулъ голову и повольт къ Березинкову.

Онь осмотрѣл раны офицера, тутъ перестанулъ битомъ его грудь и перевелъ простреленую голыву. Березинковъ издвинулся и негъ жисте соображалъ, — это тотъ самый инопещъ, котораго онь хотѣлъ шашкою по голови.

— Ну, теперь... этого... Теперь моя тебѣ, — хрипло проносилъ онь, показывая пальцемъ на голову инопеща.

Инопещъ поднял брону, слабо улыбулся и наклонилъ голову съ короткими и жесткими черными волосами. Березинковъ поспѣшно срывалъ оболочку съ перевязочнаго пакета, а самъ смотрѣлъ, морщась и закусывая губы: края раны были нубухшие, съ слипшимися въ кровь волосами, былая раскобченна кость, а изь черной трещины выподало что-то мягкое и широе, на что было странно смотреть. Онь поспѣшно прожралъ трещину марлею и выложилъ повязку. Инопещъ выпрямился и слать на патки.

Березинковъ жадно и прѣшительно косился на алчущибулю фигуру на его боку. Инопещъ понаглъ его издалъ и прудуренталъ по протянутой фигурѣ.

— Ахъ, братецъ, во-отъ спасибо! — обрадовался капитанъ и принялъ губами къ горланку.

Инопещъ смотрѣлъ, улыбуясь спомъ жалкимъ кровно лицомъ.

— Хао (хорошо)? — спросилъ онь по-китайски.

— Хао, — отвѣтилъ Березинковъ, вскрываща фигуру, и тоже улыбулся бѣлыми, беззренима губами.

Лидо инопеща улыбалось, но глаза смотрѣли скорбно, и изь нихъ была слеза. Онь подѣлъ фуражку по наивдвину голову, шатаясь, всталъ и сдѣлалъ Березинкову вольт комерекъ. Березинковъ протянулъ руку, крѣпко пожатъ руку инопеща и закрывалъ те къ своей рубкѣ. Въ груди у него что-то зарождало.

— Мамандъ (погоди)? — сказалъ онь и за руку потахнулъ инопеща къ себѣ. Инопещъ, внимательно глядя ему въ глаза, прибѣл. Березинковъ обнялъ его за плеча, вкрутъ наклонилъ и крѣпко, ибскольно расъ пощѣпалъ его изь губы съ рѣзкимъ жесткимъ усамъ.

Березинковъ подѣлъ. Больно было къ ногѣ, больно было изь боку, все къ дубѣ силосъ къ одно ощущенье боли, все къ ногу силосъ къ одно мысль, — дождеть ли онь куда-нибудь? Передъ глазами неизменно были два ната сухой, потрескавшейся земли съ рѣзкою желтоватой травкою. Догорѣла заря, — тускло-оранжевая, странно-распылчата. Колыхалилися по равнинѣ блѣноватое море тумана потѣнѣло и притѣло; смутный, жмѣнно-сѣрый, онь мрачно и неподвижно прилянул къ землѣ; былъ жутко-таинственъ этотъ необычный и таковой тихий туманъ.

Ужъ давно бы пора быть мѣсцадъ, — оттого его ибѣтъ? Березинковъ оглаблѣлъ горизонтъ, но мѣсцадъ не было; становилось все темнѣе, и только длинный, блѣсный, какъ будто слабо глѣбѣюща полосу тумана въ молчанивомъ, сбросъ туманѣ.

Березинковъ вольт вынулъ по шале, мѣстъ дулахъ грядущъ съ острыми, кого-срѣзанными стѣлками вылами. Оказывало сырость, жмѣнно-сѣрый туманъ подступалъ ближе и становился блѣноватѣе. Но оттого же ибѣтъ мѣсцадъ? Небо да отрогнъ сонна какъ будто освѣтѣло, — должно быть, вслѣдствѣ... Острые, рущия боли при каждомъ движени, два ната земли передъ глазами... Будеть ли конецъ пути?

Казна, поросшая по краямъ травкою, за немъ — дороса. Березинковъ прилетъ на немоний къль и закуралъ. И вкрутъ онь справа увидѣлъ мѣсцадъ, — мѣсцадъ, сонѣтъ не таимъ, гдѣ его искалъ; какъ будто мѣсцадъ сразу вылетѣлъ откуда-то жѣ горы. Но онь былъ не къ ногѣ; вынулъ, врас-оранжевый

шарк висять глыбы камня, из золотившего покруть туманѣ. И все кругомъ было смутно и необычно, и смутно было въ душѣ, и весь міръ кругомъ была какой-то другой, не принадлежавшій. А вѣсны,—страшный, вышуклый,—сметено несетъ на дороге; онъ какъ будто заблудился въ этомъ мутномъ туманѣ, безпомощно падать въ грязь, искать и не находить неба.

Бережниковъ заткнулся павирогою.

— Кто идетъ?—раздался изъ туманѣ грозный и испуганный голосъ.

Это была казачій разбѣда.

Посылки тихо и плавно качались. Вышуклый шбсѣдъ пошевелилъ, но онъ по-прежнему безпомощно и испуганно пыталъ въ золотившемъ, прозрачномъ туманѣ, искать и не находить неба.

Все хорошо. Идетъ болѣе, конецъ пути. Но отчего же идетъ смутно и убого? Что незаметно тяжело давить душу?

Ахъ, да... Подъ шапкою сухо хрипѣла червь, изъ черной трещины вылезало что-то сѣрое и мягкое, залепало кровью лицо улыбаюся, а изъ гдыль скорбно смотрѣла смерть... Милый, малый ячмень! Спасибо ему. И какъ онъ хорошо переживаетъ ногу. Дай ему Богъ!.. Но ибѣт, не то. Отчего же такъ тяжело изъ душѣ, такъ смутно и необычно?

И Бережникову вдругъ вспомнилось, какъ она дѣловалась. Вотъ, вотъ это... Криво-палый хмѣль, искоренянный гѣль, тяжелые удары, раскалывающіе червь,—пушакъ; само по себѣ это бы все ничто. Ваше дѣла, ваше дѣлаи можетъ стоять что-то вели-

кое и сѣбное, переть чѣмъ нечестиво и свои жизни и все чуждѣ; неостаново неостаново замутится тогда душа противъ того тѣснаго, что встаетъ нашествію, и въ этой неостаново все заблудится; и ушора, краги будутъ рваться другъ къ другу, не или одинъ въ другомъ человека,—внѣ она изъ удѣла бы это и равнѣе. А такъ, какъ дѣла... Сойдѣсь рубили и дѣлѣли другъ друга, потомъ переживали другъ друга рамы и дѣловались. Что же это такое?.. «Наше ремесло—укрѣпить и убивать... Рубѣй возможно дѣлать это во имя ремесла, а не во имя твое безмѣрно-великаго, что одно только способомъ окантѣть и кровь, и смерть?»

Въ переживающѣмъ штрѣ горѣла огонь, и или сѣбная работа. Кругомъ стояли пѣть открытымъ, небоже послѣди съ равнѣемъ, санитары возносили все помылъ и помылъ. Редко же Бережниковымъ лежалъ стрѣлокъ, равнѣемъ шивоконъ въ голову; онъ метался въ бреду, порочалъ окровавленную голову и твердилъ:

— Онъ, пустите жеже на бѣлый свѣтъ!

Мѣнды давно нашла небо и равнодушно сѣла на немъ вселенщина, плоскѣмъ кружкомъ; но по-прежнему смутно и необычно было въ душѣ.

— Мамонька!.. Рядная!..—дѣла въ бреду стрѣлокъ.

Хотѣлось плакать отъ этого дѣтскаго призыва большого человека къ матери. И отовсюду несся оманъ, всхлипающіе стоны. Какъ будто громадно, отшатнутое колесо прокатилось по стѣмъ окровавленнымъ, изрубленнымъ гдыльмъ. И были въ душѣ только стыдъ и отращеніе.

В. Березковъ.

Они дѣлѣвали его, безоружнаго...
Онъ сдѣлѣтъ быть, ибѣмъ, недвижнаго.
И холоды, и ужасъ дѣловѣтѣя попушкаго
Повели пѣтъ міромъ гдыльмъ.
Дѣловѣтѣя на ибѣтѣ сѣбѣника усталѣмъ,
Кудыбѣмъ подушѣй туманѣ.
И шалѣмъ каплѣ—горѣчѣ, алыи
На ибѣтѣмъ, безстрастѣмъ курганѣ.
— Обманути были—туманѣ, покорѣмъ...
Въ ибѣтѣ мутнѣмъ, тяжелѣмъ зрѣмъчѣмъ
Дѣлаи бѣдуи ибѣтѣ чернѣмъ
Словѣмъ яичнѣмъ дѣлу и страмъ.

Обманѣмъ дѣловѣтѣ... О, трижды проклятыя!
Ты, Высшій, ибѣтѣмъ пѣтъ ушакъ!
Слѣмъ ибѣтѣ, что брата бѣдуи равнопѣтъ
Нѣсѣмъ спасѣнѣмъ отъ лѣмъ.
Слѣмъ ибѣтѣ, что ужасъ висѣмъ дѣлѣмъ
Пѣсѣрѣмъ, бѣдуи стѣрѣмъ,
Что гдыльмъ подушѣмъ мѣтъ на ибѣтѣмъ,
На брата подушѣмъ мѣтъ!
... И сѣмъ, и ибѣтѣ сѣбѣника усталѣмъ,
Пробѣмъ дѣмъ слѣмъ туманѣ
И пѣдуи каплѣ—горѣчѣ, алыи
На тѣмъ, бѣдуи курганѣ...

А. М. Веселовскій.

А. К.

Bancroft
Library
2006
Folio
365
2

А. М. Добелюс.

Часы Дум.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЬЕСА.

(Драматический диалог).

С. Ю. Витте сидит у стола и пишет обильно руками, при этом правая не знает, что пишет левая.

1-й *интервьюер* (голос). Не сообщите ли для свободной прессы причинах, побудивших ваше сиятельство подать в отставку?

С. Ю. Витте. Во-первых, не уговаривайте меня остаться. Во-вторых, а против какой монополии. И не могу поворочаться с этими заблуждениями правительства.

2-й *интервьюер* (стремительно голос). Не сообщите ли... для свободной прессы...

С. Ю. Витте. Знаю. Единственная причина моего ухода—это невозможность мириться с условиями, на какие поставлена печать. Печать должна быть свободной. Это мое глубокое убеждение. Глубочайшее! Знаете, что я хочу сказать: если бы меня, как неформального редактора «Русского Государства», кадуцья прикрепили к ответственности, то, конечно, и бы закрыть глотку совести, совести!.. Не уговаривайте меня остаться!

3-й *инт.* (быстро). Просим сообщить причину...

С. Ю. Витте. Я очень рад. Но разве уж так трудно излагаться? История сь Гаврилова! Ах, эта ужасная история! Правительство дотянуло до 30 тысяч, словно серебряники, правительство поддерживает сношения с этим позорительным человеком. И все это я должен был стерпеть! Что? Простать это? Не уговаривайте меня, я человек жесткий на меня легко доклясть. *Завать!* Что? Ну, вот видите, на половину вы меня уже уговарили...

4-й *инт.* (завывая). Умоляетесь дать себя...

С. Ю. Витте. Единственной причиной моего ухода: дьяво Спиридоновой. Шля это такъ естественно. У меня перья не жьт зеренки. А тысячи и тысячи людей, пожелавших из горьких только потому, что они... Но, ибга! не будем объ этомъ говорить. Велкое прикосновение къ себежму ранажъ безлешенно, оставилжму! Гавриова, о чемъ вы интересуете?

Интервьюер. Мы молчим.

С. Ю. Витте. Нехорошо, нехорошо, господа. Шля я просил, я умолял васъ не уговаривать меня, и человекъ слабый. Да и какъ устоитъ, если вся русская печать проситъ...

Интервьюер. Мы не просимъ.

С. Ю. Витте. Не просите! Мышъ поладилжму...

5-й *интервьюер* (клетая). Честъ ильбо освободитъ-ся...

С. Ю. Витте. И вы еще спрашиваете? Причина одно: дотяну. Сказаное ли дотя, чтобы до несколько дней до Дуни доложить дотя? И на какую ужасительную условилжму! (запнетенно) Вы думаете, я не догадывался, на что войдутъ дотяжму? Эге! Меня не такъ-то легко выдуть (Еще запнетенней) На выдуть-жму... А? Какое? И вы, после этого, спрашиваете!..

6-й *инт.* Но, если не ошибаясь, ваше сиятельство симжму...

С. Ю. Витте (хоружъ, какъ Гавриова) Пошли, пошли, дураки!

Интервьюеры въ ужасе бегутъ.

С. Ю. Витте (говоритъ по телефону). Немедленно опровергните: никакой беседы съ журналистами у меня не было... (возвываетъ) и быть не могло!..

Занавесъ.

О. Л.—ош.

ЕГО КАРАТЕЛЬСТВУ.

(входящая ода).

— Сказанье мое сиятельное!

Монополия премьеръ карательству!

Что тебя такъ нехорошо!

Аль сладился чистю къ зеркалу?

— Я задумался прель Дуномъ,

Прель красилому угрозию,

Прель диктованной сумою!

Воложение нехорошо.—

Исторически прехорошо!

— Новояры шить по беспутию,

Сплеть отчества ил распутию!

Графъ казенный отъ-португути!

Перель Дуномъ кадетскою

Восты-ка изъ пошу кабинетскую! *)

— Встага бы я, да мнѣ немощится!

Увожилъ бы, не дождитесь!

Радостилъ бы, да уможитесь!

Для блаженія достоинствъ!

Не хвалитесь больше новостями...

— Это дотя нехорошо!

Что жь, сиятельство кабанное,

Не кладь же чистю дачное!..

Казню красилъ въ року шеркую

И дерался до рока премьерскую!

— Охъ, я плонуть бы нуштеланю...

Охъ, какъ плонуть облизательско!

Да мени, бдигану, скрочилю:

Горькиишское чудско

Преманично премьерствозать,

А моя судья—дериверствозать,

Въ бреллантижму канцлерствозать

Съ влудетельжму новжму средивомжму —

Съ Дуриновъ Петровъ усложилжму!..

И дождитесь вы до штерани,

И пребудеть такъ суфлерани!

Чужь-Чужетини.

*) Дотя предполагается кабинет министровъ, а не другое.

И. Ф.

ВИРШИ НА ОТКРЫТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

(сх. исторически).

Гулять колокола и громохаты пушки...
 Долой жеманья великого печатя!
 И несеть гражданств, и на закушб—ушки,
 И плязть хочется, и хочется кричать...
 О, онъ на все глядитъ клобленими глазами...
 И съ устьего готовъ сорваться пблвный ствзъ!
 О, онъ готовъ теперь брататься съ казаками
 И даже добывать изъ уста горлановыхъ...
 На следниковъ крутозъ, на строжной черной сотня...
 Впервые такъ велзкъ изъ свободъ жошпной донзъ!...
 Натягивъ же, гражданств, и въ каждой полворотиб
 Узривъ припританыхъ, на слугой, кашковзъ!

Чужб-Чуженинъ.

МЕЛОЧИ И КУСОЧКИ.

НЬЧТО БИВНОГРАФИЧЕСКОЕ.

- Вы слышали, вышло книжка х... Надо купить.
- Говорятъ, скучно...
- А!
- И конфискована уже...
- Ну, значитъ, необходимо купить!

X.

ПО ПОВОДУ СЪБЪЗДА.

- Поразительно единодушие!
- Но и двоедушие...
- Согласенъ. Скажемъ такъ: поразительно единодушие и двоедушие...

Y.

НА УЛИЦЪ.

- Какъ намъ живице: выдать что хорошее изъ думы?
- Мое живице, что всему хорошему придется изъ нея выйти...

Z.

НАШИ ОПРОВЕРЖЕНІЯ.

Въ виду выхода изъ отставки С. Ю. Витте этого отбзль остается не дополненнымъ.

Ред.

В. Карри съ.

Ф. П. Родивевъ.

